

К русскому читателю

Человек может прожить без пищи пятнадцать дней, без воды — семь, но ни единого мгновения он не может прожить без смысла. Потеряв смысл, человек умирает. Это самое важное из того, что я знаю о жизни, и узнал я это из книг. От великих Толстого, Достоевского, Чехова. А трагикомичную сторону потери смысла — от Гоголя и Зощенко.

Двадцать лет назад я написал роман «Пуп земли». Через десять лет после его выхода в свет на македонском переводчица и славист, неутомимый строитель мостов, соединяющих македонскую и русскую культуры, Ольга Панькина перевела его на русский язык. Книга получила российскую международную премию «Югра» в номинации «лучший славянский роман, изданный на русском языке».

Для своего романа я «позаимствовал» персонажа из книги Милана Кундеры «Шутка» Яна Людвика, поселив его в Македонии. Тогда для меня (как и для великого Кундеры) Ян был олицетворением молодого человека, который, при помощи передовых идей, хочет революционно изменить мир. Роман заканчивался тем, что Ян подвергался остракизму со стороны общества как нежелательный и опасный элемент: в результате он попал в бродячий цирк, где уже не мог нанести обществу никакого вреда. Во время встречи с Кундерой в Париже я сказал ему, что его персонаж реинкарнировался в Македонии, в конце концов став артистом цирка, на что Кундера заметил: «Ничего неожиданного. Мой герой очутился в тюрьме, ваш в цирке — какая разница?»

И вот, спустя двадцать лет, Ян Людвик переживает третье рождение в новом романе «Пуп света». Теперь он в зрелом возрасте и стал писателем: хочет прославиться, создав мировой бестселлер, но европейские литературные агенты не принимают его романы, ссылаясь на то, что он «перемудрил» и что в них «слишком много Бога». Ян понимает, что западный мир отказался от Бога и что теперь всё находится в руках раздираемого страстями буржуазного антропоцентрика — невротического, корпоративного, циничного и самовлюблённого. Он понимает, что человекобог наплевал на Богочеловека и что Запад окончательно утратил свои духовные идеалы: отнимите у человека смысл, и вместо богоподобного существа появится дарвиновское животное. Ян не желает участвовать в создании современной литературы макдональдса и фастфуда, промывающей людям мозги в мире без идеалов добра и христианской морали — спасаясь от такого мира, он избирает путь молчания и общения с Богом. Он намеревается найти не пуп земли, а пуп света; не престиж и мирскую славу, но престол и славу Истины. В этом поиске он дойдёт до Афона. Отказавшись от сиюминутного и мирского — обретёт Смысл.

Так вот, дорогой русский читатель, Ян Людвик перед тобой. Он видит, что сейчас люди живут в мире, где противоестественное провозглашается нормальным, больное — здоровым, посредственность — гениальностью, палач — жертвой. Мой Ян Людвик знает, что это удар по самим основам мироздания, основам, на которые опирается челове-

ство: ведь не идентичность держит любое сооружение, а колонны. Независимо от идентичности, то есть является ли здание больницей, школой или церковью, оно держится и укрепляется колоннами. Если колонны рухнут, разрушится и вся постройка. Именно так сегодня на наших глазах и разрушается западное общество.

Этот мой, уже зрелый, Ян Людвик знает кое-что ещё: в отличие от агрессивной, громогласной литературы, которая трубит о себе и бьёт во все колокола, чтобы привлечь внимание читателя, существует и другая литература — молитва. Молитва за наш мир, пока он ещё не потерпел полного краха. А молитва произносится в тишине. Подобно своему герою, эту истину я также почерпнул у Достоевского. Иногда невысказанные или сказанные шёпотом в тишине слова оказываются громче всех труб, свистков и тулумбасов человеческого бесовства.

В финале героя романа, открывшего для себя Бога и готового ему себя посвятить, его церковный наставник отправляет обратно к людям, с ними делиться открывшимися ему истинами и разделять их судьбу.

Поэтому я посвящаю эту книгу гениям русской литературы, таким, как Достоевский и Толстой, а также тебе, мой русский читатель. В надежде быть услышанным и понятым. Уроки, воспринятые из книг русских писателей XIX века, я возвращаю как некий долг русскому читателю века XXI.

Венко Андоновский

РАНЬШЕ ЛЮДИ ЗАВИДОВАЛИ ТЕМ, У КОГО БЫЛИ
ДЕНЬГИ НА ЖИЗНЬ, И ИХ УБИВАЛИ. ПРИХОДИТ
ВРЕМЯ, КОГДА ЛЮДИ БУДУТ ЗАВИДОВАТЬ ТЕМ, КТО
ОБРЕЛ СМЫСЛ В ЖИЗНИ, И БУДУТ ИХ УБИВАТЬ
ТАК ЖЕ, КАК ТЕХ, У КОГО ЕСТЬ ДЕНЬГИ.

Ян Людвик,
через двадцать два года
после «Пула земли»

I. Секунда дьявола

СУЕТНАЯ ДУША ЛЮБИТ ТОЛЬКО В ОГНЕ СТРАСТИ;
 ЕЙ НУЖНА СОЛОМА, А НЕ ДРОВА, КОТОРЫЕ ДАЮТ
 МЕДЛЕННЫЙ И ДОЛГИЙ ЖАР; ЧЕМ БОЛЬШЕ СОЛО-
 МЫ, ТЕМ БЫСТРЕЕ ВСПЫХИВАЕТ ПЛАМЯ, НО И ТЕМ
 КОРОЧЕ ГОРИТ ОГОНЬ.

Всё случившееся произошло стремительно. Но заняло долгое время, если мерить по календарю: всю весну и всё лето. А по часам сознания, и секунды не прошло. Секунды дьявола, в которые помещаются эпохи и эры. То, что человек строит всю жизнь, унесёт, словно потоком, одна дьявольская секунда. Потому что человек — любимая одежда дьявола. Найдёт рогатый где-нибудь на дороге человека, истасканного, как драная тряпка, без Бога внутри, и сразу наденет его. И будет носить на себе по лицу Земли повсюду, где найдётся дело для нечестивого, будет носить, как какой-нибудь жилет, пока не износит до конца, пока тот не примет форму его бесчестного тела, потому что известно, что одежда, от рубашки до брюк и ботинок, изнашивается и приспособливается к тому, кто её носит.

Хотя случившееся длилось всего секунду, у этого была и своя предыстория. Силы переносить трагедии нашей личной жизни даёт нам вера в то, что в них есть какой-то *прошлый* смысл, который нам неведом, но насчёт которого мы тешим себя тем, что этот смысл станет ясен

Содержание

К русскому читателю	5
I. СЕКУНДА ДЬЯВОЛА	9
II. ГРАФИТНЫЙ ВОЗЛЮБЛЕННЫЙ	112
III. ПУП СВЕТА	211